

Д.и.н., проф. А.Г.Авдеев

СТАРОРУССКАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЭПИГРАФИКА

1. Организационно-методический раздел

1. Предмет курса

В основу курса положены итоги изучения монументальных эпиграфических памятников середины XV — первой четверти XVIII в. (старорусские надписи) автора, отражённых в научных проектах «История письма европейской цивилизации», предпринятого Санкт-Петербургским Институтом истории РАН, и «Свод русских надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum», поддержанном Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, Университетом Дмитрия Пожарского и Лабораторией RSSDA¹. Проект создаётся на основе применения новейших компьютерных технологий. Электронная версия: Свод русских надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum // <http://cir.rssda.su>.

При современном состоянии исторической науки, занимающейся исследованием Древности и Средневековья, подъём на более высокую ступень познания прошлого возможен тремя путями — поиском и введением в научный оборот новых источников, совершенствованием методик их изучения и их широкой интеграцией с иными гуманитарными дисциплинами, а также обращением к источникам, вызывающим ограниченный интерес у историков. На пересечении этих путей находятся памятники эпиграфики, в которых отражены различные области человеческой деятельности, однако старорусским надписям уделяется скромное место в научных исследованиях, вузовских курсах вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения истории России.

Старорусская эпиграфика, то есть эпиграфика эпохи Московской Руси (середина XV — начало XVIII в.) до сих пор не изучается в высших учебных заведениях Российской Федерации ни в составе курса «Специальные исторические дисциплины», ни в виде специального курса. В учебных пособиях, посвящённых специальным историческим дисциплинам, разделы об этом разделе русской эпиграфике отсутствуют. Не существует и отдельного учебного пособия, посвящённого этой дисциплине. Между тем, пробуждение интереса к древнерусской эпиграфике в целом и старорусской эпиграфике в частности в последнее десятилетие и количественный рост находок старорусских надписей делает целесообразным создание специального курса «Старорусская эпиграфика». Эта необходимость диктуется также и тем, что надписи Московской Руси являются специфическим историческим источником, требующим, в отличие от других категорий источников, определенных навыков фиксации и исследования. Помимо этого, в Московской Руси надписи составляли существенный пласт православной культуры и письменности, изучение которого позволяет углубить представления о древнерусской письменной традиции.

Объектом изучения в курсе являются *памятники монументальной эпиграфики Московской Руси*, которые хранят память о человеке, факте или событии и, в зависимости от типа надписи, имеют устойчивый набор информативных единиц.

Методика исследования данных исторических источников отталкивается от структурообразующего звена древнерусской культуры, которое Г. М. Маркелов назвал принципом следования подобиям. Он восходит к греческому термину *πρόσῳμοιός* (подобный) и, будучи неразрывно связан с литургикой, литературным этикетом, иконописью, храмовой архитектурой и музыкой, предполагает обязательное следование определённому архетипу. Всё это закреплено в формуле Алексея Михайловича: «всякой вещи честь и чинь и образец Писанием предложень былъ».

¹ Научный руководитель проекта — д.и.н., проф. А. Г. Авдеев, технический руководитель проекта — Ю. М. Свойский.

Эти же принципы прослеживаются и в памятниках монументальной эпиграфики Московской Руси, по мнению многих современных исследователей занимавшие едва ли не нижние «этажи» в иерархии письменной культуры. Внешнее следование «чести, чину и образцу» в них опиралось на этикет формул, из которых «монтировалось» письменное сообщение — эпитафия, строительная надпись или храмовая летопись, поклонный или намогильный крест и другие типы археологических памятников.

Как исторические источники, старорусские монументальные эпиграфические памятники имеют свою специфику, которая связано с местоположением, типом надписи, материалом и формой носителя, особенностями декоративного его оформления и заключённой в надписи уникальной информацией о человеке, факте или событии как единого целого в единстве с традиционными источниками, которые позволяют включить эпиграфический памятник в общий историко-культурный контекст эпохи. Как памятники письменности, надписи требуют исследования в комплексе с различными категориями современных им источников.

Программа курса «Старорусская эпиграфика» ставит следующие задачи:

- дать представление студентам о эпиграфике как специальной исторической дисциплине,
- составить представление об основных типах древнерусских эпиграфических источников и методах работы с ними.

Программа предусматривает сочетание лекционных занятий с полевым изучением древнерусских надписей в церквях и монастырях Москвы и Московской области, или иных субъектов Российской Федерации.

Формой отчетности студентов по курсу является устный зачет или реферат по проблемам древнерусской эпиграфики или исследованию отдельных надписей.

2. Цели курса

Программа курса «Древнерусская эпиграфика» преследует цели:

- дать студентам представление о древнерусской эпиграфике как специальной исторической дисциплине;
- дать студентам целостное представление о развитии древнерусской эпиграфики как науки и современном ее состоянии;
- ознакомить студентов с основными типами древнерусских надписей середины XV — начала XVIII в.;
- сформировать у студентов знание о специфике древнерусских надписей как исторического источника по истории Московской Руси до начала XVIII в.;
- сформировать у студентов умение фиксировать, описывать и изучать эпиграфический материал;
- дать студентам дополнительный материал для более широкого и глубокого изучения отечественной истории до начала XVIII в.

3. Место курса в профессиональной подготовке выпускника

Программа курса разработана для студентов как необходимая часть их будущей профессиональной деятельности, связанной с изучением истории и духовно-культурного наследия народов России. Курс должен способствовать складыванию умения будущего специалиста вести самостоятельную исследовательскую работу, формированию умения и навыков работы с эпиграфическим материалом и использовать его в качестве исторического источника по избранной проблематике.

4. Требования к уровню освоения содержания курса

Требования к уровню освоения содержания курса должны обеспечивать соответствие квалификации по получаемой специализации.

Студенты обязаны:

- знать специфику старорусской эпиграфики как специальной исторической дисциплины;
- знать основные типы старорусских надписей и места их размещения на памятниках архитектуры;
- уметь читать и точно воспроизводить старорусские надписи для их последующей публикации;
- свободно ориентироваться в общих теоретических проблемах старорусской эпиграфики, знать типологию и классификацию надписей Московской Руси, основные методологические принципы и приемы работы с ними, принятые в современной исторической науке;
- иметь представление об основных публикациях памятников старорусской эпиграфики;
- уметь использовать старорусские надписи в качестве исторического источника.

II. Содержание курса

1. Разделы курса

1. Старорусская эпиграфика как науки.
2. Основные типы древнерусских надписей.
3. Методы работы с древнерусскими надписями.

2. Краткое содержание курса

I семестр

ВВЕДЕНИЕ В СТАРОРУССКУЮ ЭПИГРАФИКУ

Эпиграфика как специальная историческая дисциплина. Предмет эпиграфики. Задачи эпиграфики. Взаимосвязь эпиграфики с другими специальными историческими дисциплинами и другими науками (палеография, берестология, археология, нумизматика, метрология и др.). Разделы эпиграфики. Цель, хронологические рамки и структура курса «Старорусская эпиграфика». Два периода древнерусской эпиграфики.

Старорусская эпиграфика как наука. Типологические, палеографические, лингвистические отличия старорусских надписей от эпиграфических памятников предшествующего периода. Основные периоды развития старорусской эпиграфики: переходный период (середина — последние годы XV в.); 1492 г. как естественная граница между древне- и старорусской эпиграфикой; развитие старорусской эпиграфики в XVI — первой половине XVII в.; старорусская эпиграфика эпохи московского барокко; постепенный уход традиций старорусской эпиграфики в XVIII в.

История изучения старорусских надписей. Тракат прп. Максима Грека «О венце Спасове» как первое на русском языке «исследование», посвященное вопросам эпиграфики. Древнерусские паломники и путешественники о чужеземных надписях. Направления изучения надписей в XVII в. Эпиграфические «экскурсы» иеромонаха Арсения (Суханова). Списки с надписей второй половины XVII — начала XVIII в. Старообрядческие ставрографические исследования. Эпиграфические штудии в эпоху петровских преобразований. Первая публикация старорусских надписей А. П. Сумароковым (1757). «Колумбы» древнерусской эпиграфики — Г.-Ф. Миллер, Л. М. Максимович, А. Ф. Малиновский. Публикации старорусских надписей в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новикова. Исследование Тьмутараканского камня А. Олениным как начало научной эпиграфики. Накопление и осмысление эпиграфического материала в XIX в. Публикации и исследования древнерусских надписей в первой половине XIX в. (И. М. Снегирёв, К. Тромонин). Деятельность Императорского Московского археологического общества по созданию свода надписей Москвы XV–XVIII вв. Публикации старорусских

надписей во второй половине XIX в. (А. А. Мартынов). Отделение эпиграфики от палеографии. В. Н. Щепкин. Принципы публикации древнерусских надписей, разработанные В. Н. Щепкиным. Публикации и исследования старорусских надписей в советское время. Изучение надписей конца XV – начала XVIII вв. во второй половине XX — первых десятилетиях XXI в (А. В. Арциховский, Ю. М. Золотов, В. Б. Гиршберг, В. В. Кавельмахер, Т. В. Николаева, Л. А. Беляев и др.). Современное состояние изучения старорусских надписей. Систематические археологические раскопки в русских городах и пополнение «каменного архива» Московской Руси. Основные направления изучения старорусских надписей на современном этапе. Свод русских надписей / *Corpus inscriptionum Rossicarum*. Нерешённые проблемы старорусской эпиграфики.

Методы документирования и описания старорусских надписей. Проблема точной передачи текста надписей как основная проблема эпиграфики. Аналоговые методы фиксации текста надписей: рукописная копия, рисунок, эстампаж, фотография, слепок, их достоинства и недостатки. Метод бесконтактного 3D моделирования надписей как способ решения базовых задач фиксации и сохранения эпиграфического памятника. Лейденская система скобок как объективный метод фиксации состояния надписи при публикации.

Основные типы монументальных старорусских надписей. Основные сведения о типологии античных и византийских надписей. Специфические особенности надписей эпохи Средневековья. Проблема типологизации старорусских надписей. Основные типы монументальных надписей конца XV – начала XVIII вв. и их наименование в памятниках древнерусской книжности. Древнерусские надписи конца XV – начала XVIII вв. и архитектура. Хронологические рамки для отдельных типов. Надгробия и надписи на крышках саркофагов. Основные информационные элементы эпитафий и изменение их структуры. Эволюция декоративного оформления надгробий. Строительные надписи как разновидность частного акта. Основные элементы формуляра строительных надписей. Эволюция содержания строительных надписей в XVI-XVII вв. Храмовые летописи. «Каменные синодики». Закладные камни. Памятные надписи. Типология подписных крестов XV-XVII вв.: за- и внутрипрестольные, надмогильные, поклонные, поминальные, памятные и др. Надписи агиографического содержания. Старорусские надписи XVI – начала XVIII вв. и древнерусская книжность. Редкие типы старорусских надписей: межевые и пограничные знаки, «назаборные» надписи. Иноязычные надписи конца XV – начала XVIII вв.: надгробия, строительные надписи. Синтез русской и западной культур в иноязычных надписях конца XV – начала XVIII вв. Изменения в репертуаре и содержании надписей кануна и начала реформ Петра I. Стихотворная силлабическая эпитафия. Каменные столпы 1682–1694 гг. — первые гражданские монументы Москвы. Вторичные и новодельные надписи. Сохранение традиций старорусской эпиграфики в XVIII в. Проблема подделок надписей.

Комплексы старорусских монументальных надписей конца XV – начала XVIII вв. Комплексы родовых захоронений на древнерусских кладбищах. Надгробия из некрополя Троице-Сергиевой лавры. Великокняжеские и царские надгробия в Архангельском соборе Московского Кремля. Эпиграфический «проскинитарий» в Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре.

Старорусские надписи во времени и пространстве. Создатели старорусских надписей. Процесс изготовления, цена и продажа старорусских надписей. Срок службы, факторы разрушения и вторичное использование надгробий Московской Руси.

Репеторий монументальных надписей Московской Руси. Графико-орфографическая система старорусских монументальных надписей. Система знаков старорусского эпиграфического письма: лигатуры, выносные и диакритические знаки, суспенсия, виды аббревиации слов, крестные имена, акро- и телестихи. Способы членения текста. Виды резьбы и эпиграфического шрифта. Календарь, методы проверки и установления датировки старорусских монументальных надписей.

Методика работы с древнерусскими надписями. Эпиграфическая терминология. Правила и приемы обработки надписей в полевых условиях. Правила обмера надписей и фиксации текста по 3D модели. Правила передачи текста надписи при публикации. Палеографический анализ надписи. Составление лемм и комментариев к надписям. Работа с публикациями надписей. Работа со списками надписей XVII-XVIII вв. в архивах. Реконструкция текста утраченных надписей по публикациям и архивным спискам.

Практика работы с древнерусскими надписями. Практические занятия по древнерусской эпиграфике могут проводиться по согласованию со студентами в церквях и монастырях Москвы, Московской области и иных регионах Российской Федерации. В качестве наиболее предпочтительных объектов занятий могут быть названы Новодевичий, Спасо-Андроников, Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь, бывший Возьмицкий, Спасо-Ярославский, Кирилло-Белозерский, Псково-Печерский монастыри, некрополи Александро-Невской лавры и др.

II семестр

«Каменный архив» Московской Руси:

Люди, события, культура в зеркале монументальной эпиграфики

Эпиграфика в открытой графосфере русского города конца XV — начала XVIII в. Термин «графосфера» сравнительно недавно был введён в научный оборот британским славистом С. Франклиным. Под ним — применительно к русской истории — исследователь понимает «пространство видимого, т.е. графически представленного слова», с конца XV в. ставшего одним из «фрагментарных зачатков» русской графосферы. Публичную графосферу точнее было бы разделить на открытую и внутреннюю. К открытой графосфере принадлежат надписи, доступные для свободного обозрения на стенах церквей, зданий, пространствах приходских некрополей и других объектах.

Массовое — с начала 90-х гг. XV в. — распространение надписей на белокаменных плитах совершило информационную революцию, воспринятую и активно развиваемую всеми слоями русского общества. Неизменные во времени монументальные надписи, которые хранили память о дате, лице и событии, были сделаны на вечных носителях — белокаменных и керамических плитах, а также на металлических листах — и доступны для чтения. Несомненным преимуществом эпиграфических текстов были их открытость, лаконизм содержания, подчинённого определённому формуляру, при этом насыщенного датами, личными именами и ойконимами.

Памятники монументальной эпиграфики как один из массовых носителей текста, старорусские надписи, наполнявшие открытую графосферу населённых пунктов Московской Руси, создавались грамотными людьми для грамотных же людей.

В Московской Руси наиболее насыщенной и восприимчивой к переменам была графосфера столицы государства — Москвы. Менее заметны перемены в уездных городах, где традиции старорусской эпиграфики удерживались вплоть до конца XVIII в. В усечённом, по сравнению с городом, виде открытая графосфера существовала также внутри монастырей и в сельских поселениях на стенах находившихся там храмов и окружающих их некрополей.

Открытая графосфера Москвы конца XV — начала XVIII в. состояла из нескольких, перекрывающих друг друга пространств видимого Слова. Ранее других появилось *официальное пространство*, связанное с саморепрезентацией государственной власти. После подавления Медного бунта её составной частью стала *графосфера кары* — тексты, сопровождавшие прибитые к деревьям отрубленные конечности преступников с указанием вины последних. В 1682 г. вместе с мятежными стрельцами графосфера кары ворвалась на Красную площадь, где были установлены первые гражданские монументы — «столпов» с надписями, объявлявшими о винах проворовавшихся бояр и дьяков.

С последних лет XVII в. пространство официальной графосферы по воле Петра I пришло в движение. Начиная с празднеств по случаю успешного завершения Второго Азовского похода (1697), военные победы царя-реформатора одновременно с новой культурой зрелищ создавали новое пространство видимого слова *официально-панегирического* содержания, в основе которого лежали воинские традиции Рима.

Сакральное течение *графосферы времени* — от сотворения мира до конца времён — раскрывал годовой круг богослужений. Счёт профанному времени вели механические башенные куранты, которые сопровождали смену отрезков времени «перечасьем».

Неофициальная графосфера города была более разнообразной. Надписи, образующие *графосферу личного благочестия*, были обращены как к индивидуальному, так и к коллективному читателю. К таким текстам в первую очередь относятся строительные надписи, созданные от имени частных лиц.

К памятникам, воспитывающим личное благочестие, принадлежат надписи, образующие *учительное пространство*, которое объединялось с пространством звучащего Слова — церковной проповедью и, как и она, по сути своей несло элемент духовного наставления.

Надписи, аккумулирующие *графосферу коллективной памяти*, сообщали о событиях, изменивших течение повседневной жизни. Например, масштабная эпидемия, опустошавшая русские города в 1654–1655 гг., побудила посадских людей Старой Руссы, Ярославля и Шуи установить памятные Голгофские кресты. В сделанных на них надписях выражались благодарность Богу за прекращение морового поветрия и уверенность в том, что главный символ христианства уберёжёт жителей от новых эпидемий.

Бунташный XVII в. породил *графосферу крамолы*, отразившуюся в «назаборных» надписях на стенах зданий.

Особое семантико-символическое пространство в открытой графосфере занимали эпитафии на надгробиях, аккумулировавшие различные аспекты памяти. *Графосфера кладбища*, созданная унифицированными по форме и декоративному оформлению намогильными плитами с эпитафиями, составленными по единому формуляру, стирала грань между безличным и личным, безмолвным и звучащим, сосуществуя как диалоговая коммуникация в единстве реального и литургического времени и увековечивала имена равных в благой кончине «рабов Божиих». Графосфера некрополя сочетала индивидуальную память в вырезанных в эпитафиях именах и датах смерти, и коллективную, закреплённую родовыми участками погребений, что в целом организовывало графосферу живой памяти.

Человек Московской Руси от крестильной купели до гробовой доски. Старорусские эпитафии являются множеством хронологических текстов, не связанных друг с другом причинно-следственными связями и не имеющих, с точки зрения книжников Московской Руси, той же ценности, что исторические повествования и жития святых. По сравнению с иными категориями источников, надписи обладают важными преимуществами — высокой степенью формульности, массовостью, более тесной связью с повседневной жизнью и известным «демократизмом», так как отражают события, не вызывавшие повышенного интереса у книжников — время смерти конкретного человека, дату строительства разного рода сооружений, восприятие отдельных событий. Памятники монументальной эпиграфики Московской Руси наполнены датами и «населены» людьми, стоявшими на всех ступенях общественной пирамиды — от царя и патриарха до посадских людей и крестьян. Как самый массовый тип надписей, включавший простейшие агиографические элементы, старорусские эпитафии связаны с реальными нормами и практикой имянаречения в Московской Руси.

При этом эпитафии второй половины XVII в., в которых отражены биографические сведения об умерших, являются массовым источником, сообщаящим не только о возрасте, но и о глубинных явлениях духовной культуры, отражающим выбор имени и осо-

бенности поминальной культуры. Как самый массовый тип надписей, включавший простейшие агиографические элементы, старорусские эпитафии связаны с реальными нормами и практикой имянаречения в Московской Руси.

В старорусских эпитафиях день крещения именовался тезоименитством, именинами, днём рождения и даже живой памятью. В этот день, связанный с духовным рождением человека и вхождением его в лоно Церкви, ребёнок получал имя святого, на день памяти которого он был крещён. Это и был, собственно, день рождения человека.

Указание на день памяти святого, на который пришлась кончина, встречается в эпитафиях с конца XV в. — едва ли не с момента их активного распространения: подобно тому, как в день тезоименитства человек рожался в новую жизнь во Христе и получал имя святого, на день памяти которого было совершено таинство крещения, так и в день памяти святого, на который пришлась смерть, он переходил («преставлялся») в жизнь вечную.

Об основах регулирования процесса захоронений на кладбищах Московской Руси и церковного поминовения умерших свидетельствуют различные категории исторических источников, созданные на Руси в XV–XVII вв. Общей их чертой является деление смерти на три вида: «благую» или естественную, «нужную» (скоропостижную или насильственную, не зависящую от воли человека) и «напрасную», сопряжённую с грехом, и неразрывной связи обстоятельств смерти с допустимостью / недопустимостью христианского погребения и церковного поминовения.

Идеалом древнерусского человека была «благая» (благочестивая) кончина, не препятствующая отпеванию в храме, погребению на приходском кладбище и церковному поминовению. Её чин и образец создавала самая распространённая формула эпитафий, вырезанных на белокаменных плитах и валунных надгробиях, — «преставился раб Божий / раба Божия». Случаи «нужной» смерти также отражались в формуляре старорусских эпитафий, которые различают две вида смерти «оть чюжихъ рукъ» — собственно убийство и гибель от рук иноземцев, бунтовщиков и разбойников. Частным случаем «нужной» смерти была гибель на поле боя, которая в эпитафиях служилым людям рассматривалась как смерть «за государя царя» или «на государевой службе».

Люди и события Московской Руси в зеркале эпитафий. Старорусские эпитафии, будучи носителями информации о времени перехода христианина из мира временного и тленного в мир вечный, являлись памятниками духовной культуры своей эпохи. Подобно современным им произведениям книжности, они были связаны с комплексом представлений о личном благочестии и также отражали целый блок идейно-символических значений.

Появление первых подписных надгробий в последней четверти XV — начале XVI в. совпало со временем поистине тектонических сдвигов во всех отраслях жизни Руси. Основную причину необходимо искать в переменах во внутрицерковной жизни и поминальной культуре, шире — в глобальном переосмыслении образа Смерти, которое в XIV–XV вв. охватило весь христианский мир и привёл к важнейшим переменам в общественном сознании. В католическом мире — это индивидуализировавшие образ Смерти изображения *danse macabre*, где представители всех сословий вовлечены в пляску всемогущей Смертью-скелетом с песочными часами в одной руке и косой — в другой, а также надгробия, именуемые *cadaver* или *transi tombs*, с изображением полуразложившегося трупа с портретными чертами умершего. На Руси — это перевод стихотворного диалога-листовки «Двоесловие Жизни и Смерти», изданного в Любеке Бартоломеем Готаном, а также поздневизантийский покаянный стих «Зрю тя, гробе», в едином комплексе с книжными миниатюрами и иконописными сюжетами утверждающие необходимость заботы о посмертной участи души. В это же время на Руси сформировалась ставшая гарантией спасения души системная практика поминовения умерших, в разработке которой ведущая роль принадлежит прпп. Иосифу Волоцкому и Нилу Сорскому. В конце

XV в., возникают церковные приходы — внесословные неадминистративные территориально-религиозные общности. Этим явлениям синхронно распространение подписных надгробий. Храм и некрополь, живые и умершие прихожане стали единым целым, а объединяющим их стержнем — годовой круг богослужений и поминальная практика. Последняя и способствовала появлению и распространению подписных надгробий. Форма и декоративное оформление намогильной плиты дали *нейтральный* образ смерти тела, скрытого узором, общим с основополагающими для иконописи обратной перспективой и смешением понятий «цвет» и «свет», а формула «преставился раб Божий (имярек)», уравнивавшая в рамках религиозной корпорации «разных чинов людей», признавала их равенство и ответственность перед Богом в земной жизни и после смерти.

К начальному этапу формирования старорусской эпитафии относится белокаменный крест дьяка Стефана Бородатого, установленный между 7 ноября 1458 г. и 31 марта 1461 г. над могилой его сына Ильи в Воскресенском Ростовском монастыре. Вырезанная на кресте надпись наряду с эпитафией несёт текст вкладной грамоты на две деревни под условием вечного поминовения сына и, таким образом, связывает формуляр поминальных граффити, надписей на намогильных крестах и эпитафий на белокаменных плитах, демонстрируя их генетическую взаимосвязь и преемственность накануне появления подписных намогильных плит.

Эпитафии XVI в., относящиеся к эпохе повсеместного распространения старорусского надгробия, бедны содержанием. В них безраздельно господствовали некрологические формулы, извещавшие о времени окончания земной жизни «разных чинов людей», но о чертах их биографии иные источники либо молчат, либо дают неполную информацию.

Наиболее яркие примеры эволюции намогильных надписей этого столетия дают три эпитафии. Формуляр первой — архиепископу Ростовскому и Ярославскому Тихону (Малышкину) († 1511) — типичен для XVI в., но её уникальность состоит в том, что она содержит дату смерти епархиального архиерея, отсутствующую в традиционных источниках, тогда как факты его биографии хорошо известны. Две другие демонстрируют противоположные полюсы общественного сознания, иллюстрируя смерть праведника и раскаяние грешника. Одна — служит ключом к разгадке обстоятельств смерти прп. Корнилия Псково-Печерского († 1570) от рук Ивана Грозного, другая — позволяет взглянуть на жизнь и духовный мир уездного служилого человека конца столетия через автоэпитафию «неистового блудника» Ивана (Головы) Соловцова, умершего в конце столетия. В ней впервые в старорусской эпиграфике негативный жизненный опыт человека преподан в качестве назидания ныне живущим и потомкам.

Эпитафии Смутного времени нередко содержат уникальную информацию о людях и событиях этой эпохи. Одним из примеров значимости этих памятников является белокаменная намогильная плита-вставка с эпитафией Василию Васильеву сыну Оболянинова из Псково-Печерского монастыря, в который указана точная дата битвы на реке Вырке (12 февраля 1607 г.), неизвестная из традиционных источников. Эпитафия Алексею Васильеву сыну Назимову, похороненному в том же некрополе, содержит дату второй битвы под Кромами (31 августа 1607 г.), также не известную из других источников. А эпитафия Мелентию Васильевичу Капустину (Спасо-Воротынский монастырь), погибшему в битве на речке Воронья (12 июня 1607 г.), сообщает неизвестные сведения об участии в этом сражении служилых людей по Воротынску. Ценным источником, содержащим дополнительные подробности о разорении Макарьева Калязинского монастыря отрядом Лисовского в мае 1610 г., является эпитафия Левкию, обнаруженная в этой обители.

Время расцвета старорусской эпиграфики приходится на правление первых Романовых и обусловлено начавшейся во второй половине 40-х гг. XVII в. эпохой смешения типов надписей. Эти новшества были порождены тремя факторами: эволюцией содержа-

ния эпиграфических памятников, усилением элементов светской культуры и проникновением элементов западной культуры. С этого времени постепенно распространяются надгробные тексты биографического и фактографического содержания, а также стихотворные эпитафии. Наряду с ними в широкий обиход вошли эпиграфические памятники иных типов, которые свидетельствовали об разных сторонах повседневной жизни, — храмозданные летописи, надписи о росписи соборов, памятные кресты и др. Самым масштабным «проектом» стал эпиграфический проскинитарий по Ново-Иерусалимскому монастырю, созданный во второй половине XVII в. патриархом Никоном и его учениками.

Эпитафии конца XVII в. зачастую остаются единственным источником биографических сведений о людях Московской Руси. Так, эпитафия патриарху Адриану († 15 октября 1700) позволяет установить точную дату его рождения — не ранее 2 октября 1638 г. Надгробная плита-вставка на западной стене Троицкого собора Троицкого Данилова монастыря в Переславле Залесском указывает на место погребения известного деятеля раннего старообрядчества Ивана Неронова, который в конце жизни вышел из раскола, принял постриг с именем Григорий и умер 2 января 1670 г. архимандритом этой обители. Важные подробности биографии даёт эпитафия воеводе Мурашкинского дворцового уезда Давиду Исааковичу Племянникову, который был убит восставшими крестьянами во время восстания Степана Разина и похоронен на родовом некрополе в Авраамиевом Новоезерском Успенском монастыре близ Галича. Сопоставление же стихотворной эпитафии Симеону Полоцкому, созданной Сильвестром Медведевым, с сочинением «Остен», написанным идейным противником последнего Евфимием Чудовским для патриарха Иоакима, раскрывает основные пункты полемики «грекофилов» и «латинствующих». Первые, возглавляемые Симеоном Полоцким, ориентировались на славяно-латинский формат образования и сближение с западноевропейской культурой. «Грекофилы», активно поддерживаемые патриархом Иоакимом, ориентировались на славяно-греческий формат образования и византийскую учёность, что в перспективе могло бы объединить Православную Церковь под главенством Москвы.

В целом основной заботой создателей эпиграфических памятников разных типов была «малая» эсхатология. Это не только вытекало не только из функционального назначения эпитафий, строительных надписей и «каменных синодиков», но также из повседневной заботы о поминовении усопших, способствующем избавлению их от адских мук и шуге стояния на Страшном Суде.

Московская Русь на переломе эпох: старое и новое в эпитафиях. Надписи рубежа XVII–XVIII вв. отражают постепенный уход старых традиций и зарождение новых. Важнейшие изменения, отразившиеся в памятниках книжности, архитектуре, изобразительном и прикладном искусстве, в старорусской эпиграфической практике, связанные с этим процессом, начались накануне эпохи московского барокко, во второй половине 30-х — 40-е гг. XVII в., и связаны с кардинальными переменами в репертурии надписей. В первую очередь — это отказ от следования традиционным формулам и появление индивидуальных текстов, дающих представление о вкусах, литературных и политических пристрастиях их составителей, что свидетельствует о расцвете эпиграфической практики, а также постепенном зарождении черт эпиграфики новой, европеизированной, эпохи. Надписи рубежа XVII–XVIII вв. с характеристикой личных качеств человека связаны с элитой общества и относятся либо к эпиграфическим памятникам смешанных типов, либо к стихотворным эпитафиям, отразившим присущий эпохе барокко интерес к человеческой личности и вкусу «вестернизованных слоёв общества».

Надпись из московской церкви Троицы в Хохлах (1696 г.), помещённая над могилой 16-летней Неонилы Чириковой, соединяет информативные единицы, характерные для эпитафий, элогиарных и строительных надписей. Обилие устойчивых агiotипов, почерпнутых из богослужебных текстов, последовательно структурирует идеал добродетельной и богобоязненной девушки, следовавшей житийным образцам, и создаёт образ

традиционной семьи, живущей по нормам Домостроя, в которой излюбленным предметом чтения были жития и службы святым.

С этой надписью сходна эпитафия думному дьяку Дементию Миничу Башмакову († 1705) из московской церкви Похвалы Божией Матери у Всехсвятских ворот. Она также наполнена агиотипами и евангельскими реминисценциями, благодаря чему имеет ярко выраженные черты элогия и содержит рассказ о богоугодных делах и благодеяниях Д. М. Башмакова — вкладах в монастыри, раздаче милостыни нищим и убогим и, наконец, о главном деле его жизни — строительстве новой церкви.

Обе надписи современников, принадлежавших к разным поколениям, — юной Неонилой Чириковой и умудрённого жизнью Дементия Башмакова, но получивших традиционное для Московской Руси воспитание, — сближает общее понимание смысла жизни православного христианина — стремление жить, следуя евангельским нормам и житиям святых.

О постепенной смене традиций старорусской эпиграфики свидетельствуют проникшие в эпитафии новые воинские традиции, рождённые реформами Петра I, а также латиноязычные надписи первых десятилетий XVIII в., связанные с внедрением в русское общество основ античной культуры. Мемориальные надписи эпохи московского барокко вместе с произведениями других жанров письменности, созданных на «мягких» носителях, открыли культуру раннего Нового времени в России, связанную с постепенной сменой традиционной культурной ориентации на европейскую. Новые культурные традиции проявляются в уникальных для старорусской эпиграфической практики надгробных памятниках верижника Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле Савватия († 1698) и воеводы Алексея Семёновича Шеина († 1700), а также латиноязычные эпитафии Францу Лефорту († 1699) и студенту или преподавателю Славяно-греко-латинской академии Василию Выговскому († 1718), которые по форме, языку, структуре информационных элементов, принципам их размещения открывают новый путь развития русского надгробия, во многом намечая и предвосхищая общие системные изменения, характерные для эпиграфической практики послепетровского времени.

Моровое поветрие 1654–1655 гг. в памятниках старорусской эпиграфики. Моровое поветрие 1654–1655 гг. было одним из самых масштабных в истории Московской Руси. Описанные в источниках его ход и клинические признаки позволяют — вопреки традиционной точке зрения — определить его как эпидемию сибирской язвы. Эпиграфические памятники, связанные с моровым поветрием, — надгробия с эпитафиями жертвам морового поветрия и памятные Голгофские кресты — указывают на восприятие эпидемии современниками и способы увековечивания памяти о ней, а также уточняют или называют продолжительность эпидемии в населённых пунктах, не упомянутых в традиционных источниках, — Галиче и Шуе. Память о моровом поветрии сохранялась и в эпиграфических памятниках XVIII–XIX вв. — надписях на списках и окладах чудотворных икон, прославленных во время эпидемии, припоминаниями в строительных надписях и высеченных в камне храмовых летописях.

Отражение элементов культуры в старорусских монументальных надписях. Надписи несут многомерную информацию о прошлом, и их использование в качестве исторического источника является традиционным полем эпиграфических исследований. Как черта политической культуры в строительных надписях конца XV — начала XVII в. представлены элементы великокняжеской и царской титулатуры, в частности, титул «самодержец», впервые в древнерусской эпиграфической практике употреблённый в надписи 1491 г. на Спасской башне. На основе памятников «малой» эпиграфики Московской Руси — монетных легенд и надписей на государственных печатях, доказывающих бытование термина «господарь» вплоть до 1633 г.

Монументальные надписи Московской Руси позволяют выявить места некрополей при храмах и монастырях и достаточно уверенно маркировать расположение храмов в системе городской планировки, в ряде случаев — дают наиболее раннюю, по сравнению

с иными источниками, дату их существования. Так, найденные в Кашине эпиграфические памятники конца XV–XVI в. — надгробные камни с эпитафиями, а также надписи на иных предметах, имеющие твёрдую топографическую и хронологическую привязку к храмам и монастырям, являются надёжным источником для реконструкции городской застройки в досмутное время. Аналогичным образом комплекс белокаменных надгробий, найденных у дома 44^a по Верхней Красносельской ул. в Москве доказывает существование церкви в с. Елохове в середине XVI в., что согласуется с данными жития Василия Блаженного о месте и времени рождения подвижника.

Важное значение старорусских эпиграфических памятников для изучения истории архитектуры и строительного дела демонстрируют две надписи. Первая — о возведении стен в Троицком Ипатьевском монастыре (1586), вторая — о строительстве палат на подворье рязанских архиереев в Москве (1654). Из них известны цели строительства, время строительных работ и особенности архитектурной планировки зданий.

Эпиграфические памятники XVI–XVII вв., свидетельствующие о времени росписи храмов и сохранившие имена трудившихся над фресками мастеров, традиционно используются как важный источник по истории искусства Древней Руси. Так, надпись о строительстве и росписи Богоявленского собора Костромского Богоявленского Анастасиина монастыря сохранила уникальные сведения по архитектурной и художественной истории Костромы конца 50-х — начала 60-х гг. XVI в. и важное свидетельство о почитании св. князя Феодора Ярославского и его чад на Костромской земле. Надпись с именами государевых кормовых иконописцев во главе с Симеоном Аврамовым, выполнивших роспись Троицкого собора Макарьева Калязина монастыря летом 1654 г. (С1R0092), дошла с многочисленными загрязнениями и утратами красочного слоя. Методика бесконтактного трёхмерного моделирования с последующей визуализацией рельефа поверхности математическими алгоритмами, используемая при документировании и исследовании эпиграфических памятников в С1R, позволила частично восстановить утраты текста. Основным же источником для полной реконструкции надписи стала запись в Синодике Калязина монастыря, что позволило уточнить уже известные имена иконописцев и выделить новые, не читавшиеся из-за повреждённости и загрязнения текста.

Изучение одной из уникальных эпиграфических реликвий Соловецкого монастыря — белокаменного креста прп. Савватия Соловецкого в культурно-историческом и агиографическом контексте позволяет определить его как изготовленную в последней трети XV в. реплику начального креста, установленного подвижником при основании обители. В 1556/57 г., как сообщает надпись на тыльной стороне креста, святыня была обретаема «взысканием и потружением» св. игумена Филиппа и установлена в палатке с мощами соловецких подвижников.

Развитие старорусской эпиграфики со второй половины XVII в. связано с культурой московского барокко и её эстетикой образа, эмблемы, символа, зафиксированного в слове-подписи. Надписи органично вписались в эту эпоху, став идеальным полем для интеллектуальных «игр» с личными именами, воспринимая их как графический знак, символ, который можно разглядывать, обыгрывать, превратить в загадку. К видам этой «игры» в монументальных эпиграфических памятниках относятся этимологизация личного имени, берущая начало в распространившихся к XVII в. азбуковниках, восприятие личного имени как агиотипа, скрытие личного имени в стихотворной надписи в виде акростиха и др.

Наряду с данными «играми» эпиграфическую культуру московского барокко с её тягой к символам и эмблемам отражал интерес к чужеземным надписям, в том числе к древнеегипетской иероглифике, которая воспринималась во второй половине XVII в. как особая система символов, — либо путём визуального знакомства с надписями, либо в результате соединения традиций древнерусской книжности с западноевропейскими эмблематическими трактатами. Другим примером эпиграфической культуры данной эпохи

являются переводы латиноязычных эпитафий иерусалимских королей, сделанные иеромонахом Арсением (Сухановым) в 1651 г. во время его пребывания в Иерусалиме.

Культура эпитафической памяти. Долговечность материала носителя надписи и невозможность изменить увековеченный на нём текст без повреждения или уничтожения памятника, позволяют выделить эпитафическую память как один из наиболее устойчивых элементов мемориальной культуры Московской Руси.

В ряде случаев в надписях можно увидеть один из приёмов сохранения памяти агиографической, связанной с почитанием святых и связанных с ними реликвий. В житиях же русских святых надгробные памятники, как правило, являются частью агиографического пространства и играют роль опознавательного знака над могилой святого, вместе с тем отражая эволюцию русского надгробия от анэпитафного валуна до камня с вырезанной на нём эпитафией. Отдельные жития сообщают о чудесах, происходящих от надгробий святых. Такие рассказы являются особым видом агиографических памятников. Движение от агиографического факта к факту агиографии можно рассматривать как двуединый процесс — вызванное чудесами поновление стёршихся от времени эпитафий на могилах местночтимых святых и перенос сведений о них на страницы житий.

В народной агиографии памятники старорусской эпитафики, превратившись в предметы старины, входили в число носителей агиографической памяти. С начала XIX в. основой их почитания становились туманные припоминания, смешанные со смутными представлениями о той или иной исторической эпохе или личности. Иногда инициатором «прославления» надгробных плит часто выступала читающая публика, способная под влиянием исторической прозы *отождествить* полученную информацию с историко-культурным контекстом либо через имя на надгробии, либо через место его находки, при этом создав ореол таинственности вокруг реликвии. Иногда предания порождались «внеуставным народным благочестием». Во всех случаях покрытый непонятными письменами камень воспринимался как артефакт, имманентный историческому персонажу, а реальная надпись не нуждалась в адекватном восприятии текста.

Своеобразная форма проклятия — запрет памяти (*damnatio memoriae*), практиковавшаяся в Римской империи, лежала на стыке политической, религиозной и мемориальной культуры. Статуи и изображения проклятого разрушались, а имена в надписях, в зависимости от тяжести преступления, замазывались глиной (*lutatio memoriae*), либо выскабливались (собственно *damnatio memoriae*), что нашло отражение в многочисленных эпитафических памятниках. В Средневековье этот обычай не имел такого значения, хотя этой процедуре sporadически подвергали политических преступников и узурпаторов, уничтожая их изображения или имена в надписях. Случаи намеренного уничтожения лапидарных текстов известны и в Московской Руси. Однако *damnatio memoriae* здесь было не систематическим, а скорее, случайным явлением, зависевшим от личных антипатий отдельных представителей светской и духовной власти и не наследовало традиции римской и византийской эпитафики. В древнерусской православной традиции, основанной на вере в *бессмертие души* и регулярном церковном поминовении, одним из регуляторов культуры памяти было назидание. Вот почему *damnatio memoriae* законодательство Руси не знает, а высшей мерой наказания духовного была *анафема*, обрекавшая душу проклятого на вечные муки. Звучавшая в чине Торжества Православия, она поимённо перечисляла еретиков, вероотступников и злодеев, что служило грозным назиданием всем верующим.

Проблема сохранения надписей в народной памяти связана с упоминаниями эпитафических памятников в былинной традиции. Эпитафическая память, запечатлённая в былинах, многослойна и наряду с эпическими мотивами содержит припоминания о реальных надписях, созданных в разные периоды русской истории от Древней Руси до Российской империи, зачастую эпически гиперболизированных, а также смешанных с представлениями самих сказителей о современных им предметах и надписях.

Форма отчётности студентов по курсу предполагает классическую форму зачёта по предложенным темам, а также, по желанию студентов, участие в описании эпиграфических памятников для Корпуса русских надписей.

Рекомендуемая литература

1. *Авдеев А. Г.* Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006.
2. *Авдеев А. Г.* Валунные надгробия Верхневолжья (Конец XV — вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения). М., 2015.
3. *Алексеев А. В., Кузьменко С. В.* Московские средневековые каменные кресты с геометрическим узором. М.; Звенигород, 2020.
4. *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.
5. *Беляев Л. А.* Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013.
6. *Беркович В. А., Егоров К. А.* Московское белокаменное надгробие. Каталог. М., 2017.
7. *Богданов А. П.* Стих и образ меняющейся России. Последняя четверть XVII — начало XVIII в. М., 2005.
8. *Гиришберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I: Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т. I. С. 3–66.
9. *Гиришберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. Ч. II: Надписи первой половины XVII в. // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Т. III. С. 212–287.
10. *Дрбоглав Д. А.* Камни рассказывают... Эпиграфические латинские памятники. XV – первая половина XVII вв. (Москва, Серпухов, Астрахань). М., 1988.
11. *Зеленская Г. М., Святославский А. В.* Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование. М., 2006.
12. *Компанец С. Е.* Надгробные памятники XVI — первой половины XIX в. Практическое пособие по выявлению и научному описанию. М., 1990.
13. *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997.
14. *Мартынов А. А.* Надгробная летопись Москвы // Русский архив. Кн. 1–3. М., 1895.
15. *Панченко В. Б.* Деревянные поклонные кресты Поволховья. Расшифровка основных криптограмм, встречающихся на ладожских крестах. Каталог. СПб., 2016.
16. Русское средневековое надгробие. Материалы к своду / Сост. и отв. редактор Л. А. Беляев. Вып. 1. М., 2006.
17. [*Саитов В. И., Модзалевский Б. Л.*] Московский некрополь. Т. I–III. СПб., 1907–1908.
18. *Святославский А. В., Трошин А. А.* Крест в русской культуре. Очерк русской монументальной ставрографии. М., 2000.
19. Ставрографический сборник. Вып. 1–3. М., 2001–2005.
20. [*Шереметевский В. В.*]. Русский провинциальный некрополь. Т. 1: Губернии Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский. М., 1914. (репр.: СПб., 2006).

21. *Шляпкин И. А.* Древние русские кресты. Кресты Новгородские до XV в., неподвижные и нецерковной службы. СПб., 1907.
22. *Щепкин В. Н.* Описание надгробий (Собрание 1-е) // Отчёт Исторического музея за 1906 г. Отчёт Исторического музея за 1906 г. М., 1913. Приложение. С. 9–16.
23. *Щепкин В. Н.* Описание надгробий (Собрание 2-е) // Отчёт Исторического музея за 1911 г. Приложение. М., 1913. С. 9–16.

Электронные ресурсы

История письма европейской цивилизации. Памятники эпиграфики. Русская эпиграфика // <https://scriptum.spbiiran.ru/pamyatniki/epigrafiki/russkaya-epigrafika/>
Свод русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum // <http://cir.rssda.su>